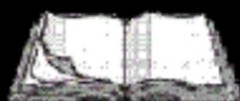

И.Н.Макаров

Чёрный призрак

18+

Игорь Макаров
Чёрный призрак

«Автор»

1989

Макаров И. Н.

Чёрный призрак / И. Н. Макаров — «Автор», 1989

ISBN 978-5-532-99179-8

Когда я начинал писать сей опус, то сильно был увлечён Лермонтовым, так что по структуре он задумывался, как роман "Герой нашего времени", но в результате моей писанины от романа Лермонтова осталась только сама структура произведения и немного черт в герое. Каких только авторов я не намешал в нём! Кошмар, но отдавая должное гению Лермонтова и как вдохновителю этой писанины, я поместил его портрет на обложку, как и Пушкина на "Аркадии". Я не виноват! Кореш Аполлон так сказал!

ISBN 978-5-532-99179-8

© Макаров И. Н., 1989

© Автор, 1989

Содержание

Часть первая	5
Вместо предисловия к первой части	5
Встреча	7
Ещё несколько слов в предисловие	15
Поединок	16
Чёрный призрак	23
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Игорь Макаров

Чёрный призрак

Часть первая

Записки Чёрного призрака

Вместо предисловия к первой части

Право слово, я не собирался заниматься литературой, литературным трудом или чем-то в этом роде. Тем паче это занятие неблагоприятное и требующее затрат энергии и сил не меньше, чем иное другое занятие. Естественно, что никаких материальных или моральных благ я не надеюсь извлечь из этого труда, новой Мессией я не мыслю себя на этой земле, исправление греховного человечества как-то не входит в мои планы, поскольку давно убедился, что это глупейшее занятие. Человек довольно твердолобое существо, так, что в жизни порой убелённый сединами старец, выглядит сущим младенцем. Большинство, по крайней мере, безнадежно уверено в своей правоте, правильности своей деятельности, логичности своих поступков, что требовать ревизии или хотя бы добросовестного анализа своей жизни – безнадежное занятие, по крайней мере, большинство мало представляют последствия своих «действ». В этом я убеждался не однажды, так что переубедить или, хотя бы поколебать, меня в этом очень трудно. Если добавить к этому лень, погоню за ложными призраками мнимого обладания и благополучия, не желанию работать над собой, или просто интересоваться окружающим нас миром, кроме ленивого переливания скудных сведений почерпнутых из наших экзальтированных газет или уличных грязных сплетен. Надеюсь, что вы не будете меня попрекать, за то, что я легко отказался от этого поповского поприща, да и тщеславие, называться писателем, меня мало прельщает. Просто я, имея массу времени и не имея обременительных обязанностей, не неся ответственности ни за что на этом свете, кроме своевременного насыщения желудка, забавлялся писанием этих записок, точнее их обработкой, поскольку убедился, что начисто лишен литературного дара или чего-то в этом роде. Может быть, это и к лучшему. Сейчас я уже женился и убедился, что для жизни требуется масса вещей, о которых я не имел ни малейшего понятия и легко обходился без них, будучи холостым и свободным. Впрочем, они мне и сейчас не нужны и покупаются чаще всего для того, чтобы по истечению некоего времени попросту быть выброшенными. Но это несущественно, поскольку к женскому уму я отношусь с легкой иронией, а желание получше устроится в этом мире – к древнему инстинкту, мало соответствующему разумному началу. Впрочем, наш мир на этом вертится, и ещё не пресытился глупостью обладания вещью.

Я, кажется, становлюсь философом, но нам следует вернуться к этим запискам. История их не носит на себе ни следов крови, ни особых встреч, и они бы могли бы быть легко утеряны, поскольку валялись беспризорно в грудке разного мусора: газет, черновиков, рулонов неиспользованных обоев, ненужных книг и прочего хлама, что остается в наследство от предыдущих жильцов. Я долго намеривался их выбросить, но моя лень столь же упорно противилась моим поползновениям борьбы за чистоту, пока я не наткнулся на эти записки. Так что я их прочел однажды, попивая чай, мешая их с историей войн и другим историческим чтивом, стихами Есенина, Лермонтова, Ахматовой и прочим нашим поэтическим бомондом. Это не составляло особого труда, поскольку автор, что удивительно, обладал довольно разборчивым почерком,

вёл свои дневники аккуратно, хотя многое в них было писано в форме воспоминаний, так что имели законченный вид, и я почти их не трогал, лишь выбросив излишние размышления, по большей части философские, оставив только то, что непосредственно относилось к данному происшествию или приключению. Что зачастую одно и то же. Я разделил единое повествование на отдельные рассказы, которые связаны между собой одним действующим лицом, хотя не придерживался определенной хронологии, поскольку действие иных рассказов могло протекать параллельно в одних и тех же временных рамках, перемеживаясь с другими событиями этой повести или просто носило на себе следы анализа их автора, может быть, он и не удостоил бы их своим вниманием, если не были бы интересны самому автору. Следует ещё заметить, что мои старания на литературном поприще, привели к тому, что мой герой, может быть, стал несколько смахивать на героя какого-нибудь дешёвенького боевика, но это произошло оттого, что, стремясь к краткости, я так мало уделил внимания личности этого человека, замечу весьма неординарного, хотя все эти приключения он сам считал не больше чем отдохновением от трудов, разнообразивших его насыщенную жизнь.

Впрочем, это несущественно, да и времени прошло очень много с того момента, как до меня дошли слухи о его гибели то ли под Кандагаром, то ли Гератом. Другие события почти стёрли из памяти эту войну, другие войны пронесли над нашими головами, не остудив в сердце прошлое. Я, было, подумывал выбросить написанное, но всё было как-то жалко, а затем их нашел даже во многом созвучным нашему времени, как и его бессмысленная гибель, гибели в Чечне или в Карабахе. Единственно, в чём я уверен, что его уже нет в живых, поскольку мы давно бы услышали про него. Так что мир его праху, хотя, может быть, не стоило его ворошить? Как знать.

Встреча

Это было, кажется, на первом году моей жизни в К. Сами по себе обстоятельства нашей встречи были обыденными и не носили ничего примечательного. Да, это было в 198..году. Точно. Я, будучи выпускником И. сельскохозяйственного института, оказался в К., в те славные времена это было обязательным: отрабатывать энное время по окончании учебного заведения там, куда тебя пошлет бог своим распределением. Нынешней молодежи это было бы манной небесной, а для нас это была сушая каторга. Впрочем, я сам был рад удрать подальше с глаз родительских, так как те, при всём своем уме и такте, всё-таки переживали, когда их непутевый отпрыск являлся под утро от не совсем "путёвой" женщины и ещё "подшофе". Следует заметить, что каким бы не казался захолустьем К., но он ещё хранил проблески живого, при всей своей видимой дикости.

На первом году моей отработки меня запихнули на одну из конференций, что так усердно плодили многочисленные наши общественные организации, которые никогда не ценили чужого времени, как впрочем, и нынешние. Я намеривался улизнуть с этого мероприятия при первой возможности. Хоть я и был довольно прожженным молодым человеком, но не рискнул это сделать сразу после регистрации, поскольку не хотел наживать неприятности по такому пустяку, как это. Я просто решил продремать первый "сеанс" этого действия, намозолить глаза ярим сторонникам общественной жизни, и преспокойно удалится домой, для того чтобы ударится в новое предприятие своих друзей, которые обещали явиться ближе к пяти вечера.

Ничего любопытного я не надеялся увидеть или услышать на этой конференции. Я забрался на задние ряды, устроился поудобнее в кресло и стал разглядывать публику. Женщины к тому времени интересовали меня очень мало: сопливых молоденьких глупышек я не воспринимал лет с пятнадцати, да и женщины постарше не интересовали меня, если не были отмечены богом или не имели хоть какую-нибудь изюминку в душе. Мужики занимали меня ещё меньше, так что я уже намеривался закутаться в воротник своего костюма и продремать лишние полчаса, что я не доспал наемдни. Неожиданно перед самым своим носом обнаружил нечто любопытное. Чуть впереди и несколько наискосок от меня, чуть развалившись в кресле, сидел молодой человек. Всю молодежь в К. я знал едва ли не по именам, но его видел впервые. Впрочем, было на что посмотреть: это был тип аристократа, аристократа от бога. Тонкие, изящные черты чуть смугловатого лица венчала шевелюра великолепных кудрей черных или темно-русых волос, что в полумраке я не разобрал. Длинноватый, с небольшой горбинкой утонченный с нервными крыльями нос, очень гармонично сидел на его волевом лице и нисколько не портил его. Подбородок был твердым, но выделялся не на столько, чтобы говорить о том, что он переразвит или массивен. Лоб был высок и несколько скошен. Я не очень верю физиономистам, но именно эта черта, как скошенный лоб, говорит о его честолюбии или властолюбии, во что я не сильно верю. Хотя это лицо было настолько гармонично, излучало столько энергии, что говорило о неординарности его владельца и невольно привлекало к нему внимание. Сидел он в какой-то скрученной позе, когда ноги смотрели в одну сторону, а туловище – в другую. Это говорило лишь о том, что их владелец имел очень гибкий позвоночник. Я предположил в нем гимнаста или человека занимающегося спортом, требующего гибкости. Выражение лица мне показалось несколько надменным, но не высокомерным, по крайней мере, их владелец знал себе цену. Он держал на коленях блокнот и иногда что-то записывал в него. Тут я вспомнил, что к нам должен был приехать корреспондент из краевой газеты, мне даже назвали его имя и фамилию. Она была до писка знакома мне, но я никак не мог припомнить, где я встречал его. Я сразу определил в нем именно того человека, о ком шла речь. То, что я его где-то встречал раньше, не могло идти и речи, поскольку я обладал отличной зрительной памятью, а он отличался такой неординарностью, что пропустить его мимо своего внимания

я просто не мог. Я промучился над этой загадкой до самого перерыва, так и не найдя на неё ответ, на который навела меня общая тетрадь, которая мелькнула у кого-то в руках и тотчас исчезла с глаз. Она была точно такой же, что и две тетради, доставшиеся мне в наследство от предыдущего жильца. Там-то я и встречал это имя. Это были дневники, хотя они и не были подписаны по всей форме, а лишь на одной, в самом конце, мелким росчерком было помечено: Андрей Григорьевич Сибирцев и даты, когда был начат и закончен дневник. Я, конечно, изменил и имя, и фамилию, даже отчество, что в лучших традициях русской литературы, впрочем, Сибирь не Онега или Печора, и даже не Лена.

Его я нашел стоящим у колонны. Теперь при ярком дневном свете я мог легко рассмотреть. Лицо там, в зале, казавшееся надменным, теперь мне показалось усталым, привычно сосредоточенным на своих мыслях и спокойным. Роста он оказался несколько выше среднего, скорее астеничного, чем нормального сложения, кость тонкая, но сам он производил впечатление очень сильного и ловкого человека. Был он действительно несколько смугловат, и я уловил в его лице присутствие азиатских черт, отнеся его по типу, скорее к грузинам или к народам северного Кавказа, чем к сибирским аборигенам. Одна красноречивая деталь мне бросилась в глаза: щеку его пересекало несколько шрамов, что я не заметил там, в зале. Создавалось впечатление, что это следы большой лапы. Конечно, это могли быть и последствия рук человеческих, но я склонился всё-таки к тому, что этот человек близко встречался с хозяином тайги.

Пока я его рассматривал, к нему подошел Игнатич. Игнатич славный парень. Он непомерно толст, как пышка, высок, как мачтовая сосна, благодушен, как Вини Пух, и глуп, как заёрзанная скамейка. Всё это не мешало ему занимать довольно высокое место в районной бюрократической иерархии. Это делало его более привлекательным, чем он был на самом деле.

Они обменялись несколькими фразами, после чего Игнатич отвалил от него, явно пыхтя от обиды. Игнатич, как любое простейшее, устроен довольно сносно: пожаловавшись и попыхтев немного, он тотчас же забывал обиды и никогда не мстил за них. Первым, кто попал ему на глаза, оказался я. Я числился у него в приятелях или в хороших знакомых, так что он с ходу вывалил на меня свои обиды. Я преспокойно, в паузах его бурных возмущений, выудил всю интересующую меня информацию о нем. Моё предположение оказались верным: это был тот человек, что жил раньше в мой квартире. Он действительно был корреспондентом и работал ранее в нашей районке, и позднее его забрали в краевую газету. От Игнатича я узнал, что он был довольно странный тип: притом, что его сильно любили женщины, он до сего дня не женился. Это он едва не ставил ему в вину, что друзей у него не было, кроме одного доктора, который раньше работал в К. и затем перебрался в Красноярск, но скоро погиб. Хотя он имел хорошие отношения со многими, но его почти все считали задавакой и гордецом, пусть в помощи он никому не отказывал.

Странные люди?

Мне пришлось остаться до конца конференции. Мое любопытство пересилило, даже ту скуку, что царит на этих официозах. По окончании я подошел к нему.

– Мне необходимо с вами переговорить, – избрав поводом для разговора именно те бумаги, что оказались у меня.

Он ничего не ответил, и мы направились к выходу. В это время к нам подошла женщина. Я думаю, что нам следовало подробнее остановиться на её портрете, поскольку в дальнейшем повествовании она займёт свое место. Ей было около двадцати пяти лет. Стройенькая, даже несколько суховатая. Рост я определил, как несколько ниже среднего, так что её сухость сильно не бросалась в глаза и казалась естественным состоянием. Движения её были порывисты, но столь же естественны, как её стройность, и даже речь, нечто среднее между трещоткой и щебетанием, была столь же привлекательны, как и её фигура. Рыжие, не очень длинные волосы, выбивались из-под шапки, были сожжены, как и у большинства современных женщин, перекисью и вновь покрашены и завиты по какой-то последней моде или нет, в чём я не очень раз-

бираюсь. Чёлка прикрывала лоб, не очень высокий, едва не лезла в глаза. Между прочим, они были очень живыми, какого-то зеленовато-коричневого цвета. Я, хоть и старый циник, и большой ценитель женщин, невольно обратил на неё внимание. Я определил её, как тип роковой женщины, от которых лучше держаться подальше, но это весьма трудно, так как они обладают такой притягательной силой, что почти всегда хочется быть с ними рядом. Молодым людям лучше придерживаться моего совета и сторониться подобных дам, поскольку после них очень трудно наладить отношения с другими, более нормальными, женщинами. Впрочем, в жизни им бывает и самим нелегко. Они сами же страдают от своей неординарности, если даже умеют пользоваться ей.

– Я бы хотела с тобой поговорить, – сказала она, обращаясь к моему спутнику, подарив меня таким безразличным взглядом, что во мне шевельнулось что-то от мужчины.

– А есть ли нам что сказать друг другу? – спросил он ледяным, насмешливым тоном, – Сейчас я занят, но если тебе так необходима встреча, ты можешь прийти в гостиницу. Я буду до четырех часов завтрашнего дня, но рано утром я уйду, – и он назвал номер.

Мы вышли. Ночь была ослепительна. Луна сияла во всей красе, так что на улице было светло и без фонарей. Под ногами похрустывал ледок на ещё обнаженной земле, которая ждала снега со дня на день. Я оглянулся и увидел женщину, стоящую на высоком крыльце Дома культуры. Она мне показалась какой-то потерянной. Что-то вроде жалости шевельнулось во мне, и злорада поползла к горлу.

– Почему вы так разговаривали с ней? – спросил я, едва сдерживаясь от более жестких выражений.

Мой спутник словно очнулся ото сна, взглянул мне в лицо, и я заметил, что на нём возникло жестокое, каменное выражение, но он сдержал себя.

– Это давняя история, хотя весьма интересная. Объяснения потребуют не один час, так что нам придётся разговаривать о ней долго. Не беспокойтесь, мы ещё встретимся.

– Но вы её любите, – неожиданно для себя сказал я.

Он остановился и очень внимательно посмотрел мне в глаза.

– Вы правы: эта единственная женщина на свете, которая мне небезразлична, но наши отношения давно прервались, и он вышла замуж. Кроме того, у нее ребенок, так что всякие разговоры имеют мало смысла. Ещё одно обстоятельство, в котором я неволен, нас разделяет: мне предстоят испытания, подвергать которым я её не смею. Так что тянуть за собой ещё кого-то даже преступно. – И помолчав секунду, спросил – Что вы хотели?

– У меня ваши записи, дневники и ещё некоторые бумаги, что мне с ними делать?

Было довольно светло, и я заметил, что по его лицу пробежала какая-то волна. Похоже, это была краска, краска волнения или сильного переживания, но с нахлынувшим чувством он быстро справился и сказал довольно равнодушно:

– Я был глубоко убеждён, что я тогда их все выбросил. Впрочем, я уезжал в спешке и совершенно забыл про них, – и вновь замолкнул на минутку. – Юность бывает смешна, а дневники довольно бесполезное занятие, кроме, пожалуй, дневников исследователей. Он может быть интересен для вас только в этом плане, как слепок чужих мыслей, для меня же дневники были больше полигоном, на котором я учился излагать свои мысли и чувства, анализировать окружающий мир и людей. Вот и всё.

Некоторое время мы шли молча, пока он не сказал:

– Если вздумаете писать дневник, не делайте это. Если вы зрелый человек, то вам будет трудно расстаться с кусочком своей жизни, хоть пусть события, описанные в дневниках, ничтожны. Выбросите их, если это, конечно, вас не затруднит.

Простившись, он ушел, кутаясь в щеголеватый воротник дубленки. Я, если сказать честно, мало надеялся его больше встретить. От мимолетной встречи у меня осталось самое тяжкое впечатление, словно я прикоснулся к электрическому заряду.

Полужинав в "Кызыре", маленьком, довольно уютном ресторанчике, я, по старой бродяжьей привычке, отправился погулять. Ходил я не так уж долго. Как-то само собой вышло, что я оказался у реки. Она, спустившись с гор, ещё не замедлила свой бег, была неумна и холодна. В это время мороз ещё не взялся за неё всерьёз, но уже местами плыла шуга и мелкие льдины. Лёд кое-где образовал закраины, но не был ещё прочным. Я немного постоял на берегу и, хотя зрелище было захватывающим, пошел прочь. Пройдя вверх по течению, я обнаружил приличный спуск к воде, по которому я и поднялся. Тропинка вывела меня к гостинице. В нескольких окнах горел свет, и я даже расслышал голоса. Подойдя ближе, я различил голос моего недавнего собеседника. Было уже довольно холодно, но створка в одном из окон была открыта. Шторы были не задернуты, так что я мог легко наблюдать за всем, что происходило внутри. Мой собеседник сидел на подоконнике, вот почему я услышал его голос. Одет он был в довольно толстый свитер, закрывавший горло, но рукава были закатаны до локтей, обнажая изящные жилистые руки. В комнате был ещё кто-то. Подойдя ближе, я узнал и её. Это бала именно та женщина, что видел я в фойе Дома культуры.

– Ольга, по-моему, начинать всё сначала довольно глупо. Ты сама выбрала себе мужа. Он тебя любит, и у тебя есть сын от него. Ты искалечишь жизнь ребенку. Говорят, он сильно привязан к нему. Стоит ли его обманывать?

– У тебя есть другая женщина?

– Нет, но в моей жизни много изменилось. Меня забирают в армию, и наш набор почти весь пойдёт в Афганистан. Мне сказали об этом в военкомате. Видимо потери там большие, поскольку призывают офицеров запаса. Я просто не имею права обнадеживать других женщин.

– Ты сам напросился?

– Да.

– Зачем тебе это?

– Не знаю, но я не прилагал никаких усилий для этого, словно судьба сама вела туда.

– Я тебя буду ждать.

– Зачем, хотя мне может будет и легче.

Они замолчали. Я уже было собрался уходить, но вновь зазвучал его голос.

– Наши отношения замешаны на интриге и не могут быть прочными. Я тебе многое не рассказывал, но теперь это, наверняка, будет интересно. Это я говорю для того, чтобы у тебя не осталось никаких иллюзий. Ты помнишь начало нашего знакомства?

– Я этого никогда не забуду. Это было на свадьбе.

– На свадьбе Женьки. Ты была приглашена со стороны невесты и поэтому я о тебе не знал. Правда, я сразу обратил на тебя внимание.

– Я тоже.

– Возле тебя тогда вертелись поклонники, и это тебе нравилось. Тогда рядом с тобой сидел мальчик, где он сейчас?

– Он застрелился и написал, что из-за меня. Может, ты слышал эту историю?

– Что-то подобное слышал, но меня тогда не было в К., но я не думал, что это всё произошло из-за тебя.

– После того, как ты уехал, он вновь стал мне надоедать. Тебя он, кажется, боялся. Он мне стал так несносен и надоел, что я его просто прогнала и запретила приходить. После того он застрелился, оставив записку, что во всем виновата я.

– В общем-то, я не заметил в нём каких-то психических отклонений.

– Он стал таким позднее.

– Я его после свадьбы и не видел. Кажется, его звали Саша?

– Да.

– У него только пробились усы. Он был такой молоденький и весь неземной. Ещё с тобой была подруга. Я никак не могу вспомнить её имя. До того незначительная особа.

– Ее зовут Марина.

– Ты специально держала её возле себя?

– Мне всегда нужно было какое-то преклонение, но это больше была игра на публику.

– Да, она преклонялась перед тобой. Если говорить серьезно, то я никогда не увлекался женщинами. Они сильно меня утомляли, но я всегда оставался мужчиной и для того, чтобы это доказать я мог иногда из-за честолюбия показать то, на что я способен. Ты вела себя чересчур вызывающе, чересчур была неординарна и недоступна.

Тогда на свадьбе во мне долго боролись два чувства: доесть салат и, найдя повод или без него, отравится спать, другое – заняться тобою всерьёз, рискуя нарваться на неприятности. Я не рассчитывал на взаимность или серьезное развитие событий, а лишь на небольшую интрижку, хотя ты меня сильно заинтересовала. Было ещё довольно рано, а торчать целый вечер одному в квартире мне уже сильно надоело, так что я выбрал второй вариант. Рваться в нахрапистые ухажеры не входило в мои планы, поскольку рисковал потеряться в их среде. Впрочем, пока я боролся с салатом, я перехватил пару твоих заинтересованных взглядов. Это упрощало дело. Скоро я знал, что мне делать. Я танцевал с другими, болтал без умолку, так что скоро стал всеобщим центром внимания. Тебя это бесило. Видимо ты решила, что это продлится недолго, и я окажусь, как и все, у твоих ног. Ты просто тогда не учла мою выдержку и расчетливость. Я никогда не давал волю своим чувствам и не стремился к обладанию женщинами, ни вещами. Меня несло. В конечном итоге тебя всё это взбесило. Ты прогнала прочь всех своих ухажеров. Те кривились и поливали тебя грязью, как последние подонки. Я продолжал готовить удар. Скука – самый удачный советник в любви и разврате. Я лишь выжидал момент. Кончились танцы и все уселись за столы. Ты продолжала наблюдать за мной. Я это отчетливо помню, но это меня отчего-то сильно взбесило. Отчего? Я не пойму до сего дня. Я решил не щадить твоего самолюбия.

Затем я кружил какую-то бабёнку, она ржала, словно её запрягли. Вальс закончился, и я её отвел к её прежнему кавалеру. Он меня подарил таким взглядом, словно я уже затащил его подружку в кровать. Начался новый танец. Случилось какое-то замешательство, и через весь зал я пошел прямо к тебе. Я тогда смотрел на тебя, но план мой был хоть и мелкий, но коварный. Ты уже торжествовала, не ожидая подвоха. Я пригласил твою глупую подружку. Та была на вершине блаженства, что не помешало ей оттоптать мне все ноги. Ты была в восхитительном бешенстве. Я продолжал танцевать и врал Маринке из-за всех сил, даже пригласил её на завтра в кино. Тут я понял, что пора остановиться. Мне стало отчего-то скучно и всё равно, что произойдёт. Я даже грешным делом подумал о том: «Зачем мне эта женщина?» В общем, пришла пора не только остановиться, но и убираться, пока не возникла драка или какой-либо иной эксцесс, а портить свадьбу Женьки я не собирался. Кроме тебя за это время я успел наступить на любимые мозоли почти всем аборигенам мужского пола, так что желающих накостылять мне по шеи нашлось бы не мало. Когда закончился танец, я не обнаружил тебя на обычном месте и сразу заподозрил неладное. Выйдя на улицу, я почти сразу услышал твой голос.

– Запомнили, тот со шрамом, – сказала ты кому-то.

– Будь спок, Ольга, мы сделаем из этого парня ростбиф с кровью, – ответил кто-то из твоих собеседников.

Мне явно готовилась головомойка, что меня мало привлекало, поскольку я был настроен довольно благодушно, хотя и не боялся этих забияк. В иное время я был бы не прочь подрагаться, но сейчас не хотелось это делать, пусть я не находил их хорошими бойцами.

Я вернулся вслед за тобой и, немного побыв, простился, и вышел, сославшись на сильную головную боль. В тёмных сенях я встал за дверь. Мои визави не заставили себя ждать, прогрохотав ботинками рядом со мной и едва не задев.

– Где он? – услышал я голос одного из них. Я их хорошо видел. Говоривший был битюг под два метра ростом, но, не смотря на молодость, уже довольно жирный.

– Наверное свернул в переулок, может быть чего почуял? – предположил младший из них, и они затопали в том направлении.

Я возвратился под предлогом, что обронил перчатку, получив в награду от тебя пару восхитительных взглядов полных удивления и ненависти. Я не стал раздражать твою нежную кожу и вышел. На улице я услышал голоса моих незадачливых преследователей и зашел за ближайший куст. Хоть и была осень, но листья на деревьях ещё не опали, так что заметить меня за ними едва ли было возможно.

Они вновь прошли почти рядом.

– Смылся, сука! – услышал я брань.

– Хитрый, – подтвердил верзила.

Они остановились и закурили, я их отчетливо видел.

– Я слышал, что он собирается с рябой завтра идти в кино, – сказал самый задиристый из них среднего роста с лохматой копной соломенных волос, хотя об этом обещании я успел уже и забыть.

– Там мы завтра его и выцепим, – согласился с ним верзила. – Однако он Ольге все печёнки выел. Она никогда никого не трогала, а на этого взъелась?

– А чёрт их баб поймешь? У них десять пятниц на неделе, но этот парень и меня достал: чистоплюйчик.

– По-моему он парень неплохой, только сильно уж больно за бабами ухлестывает?

– Да брось ты, его всё равно не мешало бы припугнуть.

Они ушли, какой-то неприятный осадок остался у меня от этого вечера. Я пошел домой. Там я нашел доктора. Ты его хорошо знаешь. Он скоро погиб после того случая. Он тогда только приехал в К. на время отпуска и лентяйничал от всей души. Но ещё не перебрался из гостиницы ко мне, и потому я не знал о его приходе, хотя ключ от моей квартиры у него был.

Делать было нечего, и я рассказал об этом приключении ему. Он подумал и заметил: "Ты, по-моему, никогда не обращал внимания на женщин? Странно".

Мы проболтали целый вечер на разные отвлеченные темы, пока разговор вновь не коснулся этого моего маленького приключения.

– Ты намерен простить эту женщину? – спросил доктор с ехидцей.

– Я с женщинами не воюю.

– Гляди ж ты? А если я займусь ей?

– Флаг в руки, пара перьев для ускорения и посадки в кобчик, я думаю, тебе они не помешают? – с не меньшей ехидцей ответил я, но почему-то это меня задело.

– Ты что ревнуешь?

– Я её не знаю, а зачем это тебе?

– Надоело заниматься чем-то умственным. Тошнит.

– Ладно, вали...

На следующий день доктор притащил меня в "Кызыр". Когда мы вошли, там уже собралось обычное общество. В одном углу бушевала довольно большая компания, из которых я знал двух-трех человек. Они пили пиво, которое в К. отчего-то бывало только там, закусывая её сушеной рыбой и запивая водкой.

Доктор взял в буфете пару бутылок пива и водку, ушел к ним, велел заказать марочное красное вино, которое очень любил, и его держали специально для него по старой дружбе. Я же предпочитая сухие светлые вина.

Побыв минут десять – пятнадцать, доктор вернулся весьма довольный своим рейдом. Почти сразу же вся компания, прихватив выпивку, удалась. Мне даже показалось, что они были настроены довольно воинственно. Закончив ужин, доктор сказал:

– Вы не желаете посмотреть гладиаторские бои? Мне, кажется, что нашими скромными особами никто не заинтересуется, да и представление обещает быть бесплатным.

Я спросил, что он имел в виду.

– Придём – увидим, – коротко разъяснил он.

Пока же он повел меня прямо к кинотеатру. По пути нас обогнала милицейская машина.

– Кажется, всё закончится "березкой", – заметил доктор. ("Березкой" в К. называли камеру предварительного заключения, поскольку какой-то умелец некогда размалевал её прутья под это чудное дерево). – Я боюсь, что нам не достанется мест даже на галерке, поскольку представление может скоро закончиться.

Мы прибавили шаг и, когда добрались до кинотеатра, там было действительно всё уже кончено: на площади стоял "воронок" и недавних приятелей доктора, и моих вчерашних противников сажали, в него.

– *Finita la comedia*, – прокомментировал доктор это событие, – мы чересчур увлеклись чревоугодием, так что зрелищ нам не досталось. Кстати, ваша дама уже ждет вас. Поскольку ресторан мы оплачивали в складчину, то кино я уж никак не потяну.

Я увидел, как Маринка, улыбаясь, словно я что-то ей задолжал, направлялась к нам. Удирать было уже поздно, так что пришлось идти с ней в кино, благо доктор стал увиваться возле неё, словно она была первой красавицей, чем меня очень сильно удивил. Кроме того, он ещё затащил её к нам в квартиру, из которой я едва её выпроводил в часов двенадцать. Кроме того, доктор увязался с ней, чем меня совсем сбил с толку. Так что я стал подозревать в его действиях какой-то умысел. Я лишь поинтересовался, зачем эта дурнушка ему, на что он только рассмеялся и сказал, что я ему дал полную волю поступать в этом именно случае.

Маринка стала бывать у нас довольно часто, меня это раздражало и утешало только то, что она оставила меня в покое и часто ворковала наедине с доктором. Он же издевался надо мной и продолжал её приваживать к себе. Скоро по К. поползли самые грязные сплетни о тебе. Я спросил доктора о них. Он даже не стал отпираться, а сказал:

– Сэр, вы сами виноваты: не доверяйте свои личные дела проходимцам.

– При чем тут личные дела?

– Как вы глуп, мой шер, если будете домогаться, то натравлю на вас дражайшую Марину, – ответил он с издёвкой.

Мы посмеялись, и я не стал вникать в сущность этой интрижки, лишь понял, что она направлена против тебя. Доктор не сильно-то утруждал себя в этом случае. Просто он влаживал твоей наперснице все самые нелепые предположения, какие могли ему прийти в голову, замешивая их на чистой правде и фактах, что та исправно поставляла ему. Так что любой уха-жер мог сойти за любовника, а просто интерес – за начало любви. Ему просто было нечего делать, и он забавлялся, дав себе волю. Мне были непонятны его маневры, но не придал им особого значения, а он намеренно не разъяснял мне цель данного предприятия.

Ты заметалась, ища источник этих нелепиц. Тебя, кажется, из-за них выгнали с работы?

– Да, меня заподозрили в связи с начальником, так что он чуть не слетел с должности, а его жена едва не выцарапала мне глаза. Так что мне предложили уйти добровольно.

– Финал ты помнишь?

– Да, я тебя готова была разорвать. Я лишилась работы, а устроиться после того в нашей деревне было трудно. Кроме того, я узнала, что ты занимаешься этим делом. Я не могла поверить.

– А от кого ты узнала об этом?

– От Маринки.

– Доктор знал, что делал. Я не стал лезть в эти дела и не стал отрицать своей вины, поскольку и сам был в чём-то виноват. Я не понял лишь одного, как мой охотничий нож оказался у тебя в руках?

– Он лежал на трельяже в коридоре.

– Видимо доктор взял его зачем-то. По-моему, он делал проводку. Не помню. Тогда я был сильно утомлен, иначе бы едва ли ты смогла прийти незамеченной. Я спал в кресле. Стало уже смеркаться, так что в комнате было уже довольно темно. В первый момент я лишь уловил какое-то движение в комнате. Скоро я различил человека с ножом. Это не обещало ничего хорошего. Я вскочил и автоматически, чем сообразил, отступил за кресло, решив выиграть несколько секунд и не дать противнику добраться до меня и прийти в себя ото сна. Тут я и узнал тебя. Дальше всё было просто: я злорадно подумал, что же ты будешь делать дальше? В общем, ты и сама знаешь, что всё кончилось тяжелым объяснением, где я не стал отрицать своей вины.

– Зачем доктор устроил эту кашу?

– Я с ним говорил на эту тему, и, знаешь, что он сказал?

– Что?

– "Кто бы свёл вас, дураков?"

– Он, пожалуй, и прав, всё это было бы пустой интрижкой, и мы после бы долго жалели о том, что никто из-за гордости не сделал шаг на встречу друг другу.

– Тогда я не слишком задумывался над этим и не видел своего будущего с тобой, а ты слишком привыкла, чтоб мужчины шли к тебе сами...

– Теперь, как видишь, я сильно изменилась? – Нет, наверно ты просто повзрослела.

– А ты такой же упрямец, хотя и любишь меня. Я даже вышла замуж в отместку за то, что ты тогда уехал.

Женщина встала, подошла к нему, обняла его за талию, уткнулась лицом в грудь и заплакала. Он не отстранил её, обнял за плечи и не стал даже её успокаивать. Лица его я не видел, так что гадать о том, что он думал в тот момент, не стоит. Я не стал дальше подсматривать, ушел прочь.

Вот и вся история краткой нашей встречи с героем этого повествования. Она оказалась единственной. Ольгу я видел ещё несколько раз мельком, поскольку она скоро бросила мужа и уехала в Красноярск. Он, говорят, попал в Афганистан и там погиб, что может быть чистым вымыслом, поскольку, будучи офицером – двухгодичником, я не смог туда попасть, хотя и писал рапорт. Мне попросту отказали в этом, по неизвестным мне причинам. Возможно, он остался в Красноярске, в то время я, после службы, остался на Дальнем Востоке, а тамошние сплетни до нас не доходят.

Ещё несколько слов в предисловие

Я вновь вынужден взять слово, поскольку дальнейшие события требуют объяснения. Кто бывал в К., вероятно слышал эту странную историю про Чёрного призрака. Его явление, затем неожиданное исчезновение, вызвало среди местных жителей массу кривотолков и сплетен. На его поиски даже была брошена милиция, но они были безуспешны. Хотя ей было просто не до того, чтобы ловит какого-то оболтуса на коне, который никому особенно не досаждал и больше внушения и не заслуживал. Хоть местная газета разразилась по этому поводу фельетоном под названием: "Кто он – Чёрный призрак?". Которая тоже подвергла сомнению не только целесообразность поимки этого призрака, но и сам факт его существования, что, впрочем, не помешало в тоже время обвинить местные власти в нерасторопности и неразворотливости. Большинство местных жителей не верило в сам факт его существования и посмеивалось над этими слухами, но кое-кто доказывал обратное. Сейчас многое стерлось из памяти, и эта история перешла в область преданий, и из нынешних почти никто не верит в реальность его существования. Хотя под всеми этими слухами существовала реальная почва. Но вернемся к Чёрному призраку. Конечно, кто живет в К., не нуждается в разъяснениях по этому поводу, а несведущим объясню: Чёрный призрак это одинокий всадник на чёрном коне, в чёрной широкополой шляпе, бархатной маске и плаще. Конь его вороной, почти угольного цвета, с маленькой белой звездочкой на лбу, не раз спасал загадочного всадника от нежелательных для него встреч и был на редкость резв и вынослив.

Появился он в конце мая и исчез с наступлением холодов, как бабочка или перелётная птица. Его обычно видели поздно вечером или ночью. Ещё говорят, что он любил стоять на горе, что находится на северо-восточной окраине К.. Чёрная одинокая фигура на изрезанной карьерами скале. Почему-то почти всегда на восходе или заходе солнца, когда первые или последние лучи солнца обливали эту загадочную фигуру светом, и она тогда смутно напоминала бронзовую статую какого-нибудь принца или короля. Пожалуй, чаще всего таким его и запомнили, те, кто сталкивался с ним. Тайна его не была раскрыта, на разгадку её я наткнулся, разбирая те записки, что попали ко мне. Я их почти не трогал, лишь свёл воедино разрозненные факты, которые находились в разных частях его дневников, в единые рассказы. Названия им я дал сам, не стараясь быть не особенно оригинальным, не особенно изысканным, стремясь лишь к тому, чтобы точнее отразить их суть.

Поединок

Желание записывать в дневник всё, что происходило со мной, возникло давно. Скорее оно не возникло, а я сам заставил себя это делать, пересилив свою лень, следуя благим пожеланиям воспитания своего характера. Сначала это было весьма неприятным занятием, затем стало даже некоторой потребностью, когда события принимали тот или иной захватывающий оборот. Порой это были заметки в несколько слов, как наблюдение или зарисовка характера, иной – целый рассказ, принимая законченный литературный вид. По истечении времени некоторые из них было любопытно перечитать, находя прошлое своё занятие не просто пустым временем проведением. Сейчас я перестал излишне в себе копаться, что сильно угнетает, стал больше анализировать, зачатую отмечая любопытную причинно-следственную связь, о которой, при моментальном анализе, и не подозревал. В писании дневника есть свои достоинства и свои недостатки, самым основным из которых является старая истина: "Мысль изречённая – уж ложь". Истина порой теряется в словах.

Но вернемся к нашей истории. Единственно чем она привлекла мое внимание, то, что в её ходе я, несколько раз ошибался в предсказании дальнейшего хода. Само действия протекали в течение полутора-двух месяцев, перемешивались с другими событиями и явлениями, которые образовали в тот период плотный клубок, из которых эта история была лишь одним из звеньев. Я всё-таки решил её выделить из потока событий, хотя она не более любопытна, чем другие.

В этот день я приехал на кладбище, где обычно находил Карата, уже в девятом часу. Тогда я даже не предполагал, что нахожусь на пороге очередного приключения. Со мной происходят, как будто по чьей-то прихоти, самые невероятные события, порой кровавые, при всем том, что я не особенно стараюсь в них ввязываться, но словно какой-то чёрт толкает меня в самое пекло, словно это определено моей судьбой.

На кладбище я нашел хозяина лошади, пацана лет пятнадцати. Он видимо плакал, поскольку лицо его опухло от слёз, и он самым натуральным образом хлюпал носом. Он выглядел испуганным. Я попытался его успокоить и заодно выведал, что же всё-таки произошло. Оказалась, как почти всегда бывает в этих случаях, семейная драма с избиением близких родственников. Отец зверски избил пацана и наверняка расправляется с его матерью. Я не мыслил ввязываться в эту междоусобицу, поскольку в этих случаях виновным остается тот, кто стал разнимать дерущихся. Кроме того, деревушка, даже среди прочих деревень округи, слыла запойной, и драки были едва ли не единственным развлечением их жителей. Но я всё-таки решил поглазеть на то, что там происходит.

Было уже темно, когда я въехал в село. Я не имел никакого плана, да и это было первым моим посещением населенного пункта в качестве Чёрного призрака, уже пользующегося некоторой известностью.

Проехав темными переулками, я выехал на главную улицу. Её освещали два фонаря. Хотя они и светили тускло, но я не решился ехать по ней, поскольку мой маскарад: чёрный плащ, шляпа и маска, были достаточно приметны, и я непременно бы привлек чьё-либо внимание. Пока я находился в раздумье, на улице произошло следующее событие, привлекавшее мое внимание: в одном из домов лопнуло стекло, и что-то тяжелое упало в палисадник. Осколки со звоном застучали по завалинке и отмосткам. Тотчас стали слышны крики и ругань. Скоро на крыльце возникла испуганная женщина, растрепанная и простоволосая. Она секунду находилась в замешательстве, затравленно озираясь, затем кинулась в мою сторону. Следом на крыльце возник мужик. Я его хорошо видел. Это был здоровенный бугаина, на редкость волосатый и чёрный. Мне он напомнил чем-то цыгана. Он был красив, даже притом зверском выражении, что было на его искаженном злобой лице. Курчавые, длинные волосы обрамляли высокий лоб, даже непомерное употребление спиртного, что уже отражалось на его физиономии,

ещё не испортили его былой красоты, и не подорвало могучий его организм. В молодости он видимо был изрядно смазлив и сейчас оставался довольно броским малым. В руках у него было ружьё.

– Стой, сука! – крикнул он. – Ты от меня не убежишь, паскудная тварь!

Следом посыпались такие отборные ругательства, что подобные наверняка можно услышать только в тюрьме или на флоте. От крика ли или оттого, что женщина, наконец, заметила меня, ноги у неё подкосились, и она грохнулась в дорожную пыль, не добежав до спасительного переулка десятка шагов. К этому времени чернявый зарядил ружьё и стал целиться в неё. Необходимо было что-то предпринять. Я дал шпоры коню и выскочил вперёд, в надежде отвлечь его или хотя бы прикрыть лошадью женщину. В следующий миг я увидел, что он уже целит в меня. Я, за мгновение до выстрела, успел бросить коня в сторону, что и спасло меня от верной смерти, но плечо и бок обожгла боль. Я смял цыгана конем, который неожиданно возник у меня на дороге, но сознание моё стало мутиться, и я едва держался в седле. В это время на улицу выехала милицейская машина. Я заметил её краем глаза. Встреча эта для меня была нежелательна. Пора было уходить, и, уже теряющего сознание, конь перенёс меня через изгородь. Я лишь почувствовал, что лечу куда-то. Удар был тупой, словно кто-то бросил мешок с зерном, сознание зарегистрировало это, словно со стороны и сразу же погасло. Когда я пришел в себя, мне показалось, что прошла вечность, но в действительности я находился без памяти от силы минуты две-три. Плащ мой намок и напитался кровью, рука сильно болела. Земля приятно холодила, и сознание стабилизировалось. Я оглянулся. Лежал я в высоком прошлогоднем бурьяне у самой изгороди. Машина стояла от меня в полусотни метрах на самой обочине, от неё, прихрамывая, шел чернявый и один из милиционеров. Они остановились у самой изгороди, и чернявый стал показывать, куда ускакал Карат. Двое, из приехавших, сели в машину и уехал. Один из милиционеров держал в руках ружьё. Он осмотрел его и разрядил. Другой, старший лейтенант или капитан, я не мог рассмотреть его звание, сказал:

– Пройдёмте, и вы покажите документы на оружие, – и, проходя мимо, спросил. – Как это произошло, что вы стреляли в него?

– Он напал на мою жену.

– Соседи позвонили в милицию и сообщили, что вы избиваете её, я не верю, что он напал на вас.

– Нет, этот чёрт наскочил на неё вон из того переулка.

– Почему у вас оказалось в руках ружьё?

– Просто оно у меня в кладовой стоит, и я схватил его, – замямлил тот.

– Что оно у вас стоит заряженное?

– Нет, но у меня там патронташ.

Они минули меня, и разговор стал плохо слышан, но я успел увидеть, как цыган показал огромный волосатый кулак жене.

Скоро вернулась машина.

– Ты веришь в небылицы про Чёрного призрака? – спросил один из приехавших.

– Не очень-то, хотя следы на огороде безусловно лошадиные. Балуется кто-нибудь, но эта сволочь всё врёт. Что-то здесь не так, – и они скрылись в избе.

Довольно скоро они уехали, забрав цыгана. Я дождался, пока всё успокоится. Встал. Меня сильно качало, голова кружилась и слегка поташнивало. Я выбрался из огорода и пошел в сторону К. Кто бы меня встретил тогда, скорее всего решил бы, что я сильно пьян. Кровь почти перестала идти, лишь немного сочилась, и изредка рубиновые капли срывались в дорожную пыль. Рука сильно болела, и боль почти парализовала правую сторону. Путь мой лежал сначала по полю. К этому времени луна взошла, и было довольно светло. Слева отчетливо просматривались горы с редким березняком по склону и скалы в расщелинах, которых ясно видна была трава, и бурыми пятнами проступал лишайник. Впереди уже маячил сад, сквозь редкий

кустарник, когда я услышал знакомое ржание. Карат мчался мне на встречу. Казалось, что он летел по воздуху. Мне показалось, что не конь мчался мне на встречу, а сам дьявол, хотя я ни на йоту не верю во всю эту чертовщину.

Подбежав ко мне, он дружески укусил меня за плечо, ткнулся в лицо тёплыми, влажными губами.

– Ты у меня молодец, – сказал я, погладив его по большой мохнатой морде.

Почему-то меня любят животные и дети, иногда женщины, которые меня хорошо знают.

С трудом, забравшись в седло, поехал я в сторону дома. Боль перестала уже быть острой, перейдя в тупое подергивание. Каждое движение причиняло невероятные страдания. Меня тошнило от езды, и я едва не валился на землю от слабости. В пути пришлось сделать две остановки, чтобы прийти в себя. Одну из остановок я сделал на гряде старых хакасских могильников. Я долго сидел, опершись спиной о стелу, и смотрел на небо, думая о бренности всего живого. Всего что нас окружает. В сущности, жизнь наша не длиннее жизни мотылька, а мы, суестья, не замечаем этого. Те, кто лежит под этими камнями, стали уже частью вечности. Они тоже жили и боролись, копили богатства, которое время стерло, как не нужный хлам, оставив только эти могильники, которые, быть может, будут ещё стоять даже тогда, когда наши могилы не только порастут травой, но и сравняются с землей, не оставив о себе даже такой памяти, как эти курганы.

Холод камня и сырость земли успокоили боль, и глупые мысли оставили меня. Вскоре я снова был в седле и без приключений добрался до дому. Расседлав коня, я отпустил его, зная наперед, что он вернется на кладбище. Рана оказалась пустячной. Кость была целой, но мелкая дробь сильно повредила руку, и я потерял много крови, что отразилось на моём здоровье. Всю ночь меня бил озноб, и я то и дело просыпался. К концу недели я слёг, но неожиданно быстро выздоровел, так что к понедельнику я был уже на ногах, хотя несколько и похудел. От Константинова я узнал, что цыган заработал пятнадцать суток, что жена всё рассказала, но Чёрного призрака никто не принял всерьез. Хотя по К. ползали слухи о том, что он де напал на лесника и едва не затоптал его конем. Впрочем, были слухи и обратного толка. Случайно мне стало известно, что первый слух пускает цыган. Я навел справки о нём, что было нетрудно при моей профессии, и выяснилось, что он работает не в лесничестве К., где я почти всех знал более или менее, а в Кордовском, на одном из ближайших кордонов. То, что путь к кордону лежит через гору и там есть дорога, было мне известно давно, выяснить, что он ею пользуется, было делом пустячным: я лишь проверил следы и проследил его однажды утром с ближайшей горы. Выяснил, что лесник хозяин Карата, но его он отдал пацану за то, что тот его за что-то невзлюбил и раздва чуть не убил. В то время, как продать его или сдать на мясо такого красавца, он или жадничал, или не находил на него покупателя, зная ему цену и что у того в жилах течет кровь хороших производителей.

Прощать ему его выходку я не хотел. Легальных путей у меня не было, но я всё-таки искал с ним встречу, зная наперед, что она к добру не приведёт, но меня так и подмывало взглянуть ему в глаза, не предполагая и не гадая о дальнейшем. Как знать, может это было, чувство мести или желанием поиграть со смертью в игрушки, что забавляет зачастую уставшие души? Может это была попытка сломить другого в борьбе за лидерство, что свойственно человеку ещё с обезьяньего стада? Не знаю, но даже теперь у меня сохранилось брезгливое чувство, словно я перебирал тухлятину и пропитался насквозь его мерзким запахом. Это чувство до сих пор не оставляет меня, и я те события не могу вспомнить без легкого содрогания.

Это было в пятницу, чуть больше чем через неделю после того, как я вляпался в предыдущую историю. Я намеренно выбрал этот день. Около шести вечера я был уже на месте. Погода была скверная. Низкие тучи почти зацепились за деревья, упрятав ближайший склон почти на треть. Было холодно и промозгло. Я был в плаще, но под него я надел болоньевую куртку, но

поскольку плащ был бутафорский, то я довольно скоро промок, и влага пропитала брюки и куртку, так что я сильно продрог.

Ждать пришлось долго. За кустом, где я стоял, конь уже вытоптал всю траву и нетерпеливо дергал поводья, а чернявого всё не было. Я даже собрался уезжать, когда неожиданно увидел его. Лесник выехал не оттуда, где была дорога, и я его ожидал, а прямо из леса метрах в сорока от меня. Сердце моё тревожно забилось. Волнение моё видимо передалось коню, он весь напрягся и напряженно за прял ушами. Сначала мне показалось, что мой противник находится в глубокой задумчивости, ехал он, чуть наклонившись вперёд, натянув на глаза дождевик, но когда он оказался рядом с кустом, то я определил, что он мертвецки пьян. Его кобылка шла шагом, боясь поскользнуться на довольно крутом, мокром склоне. Я выехал ему на встречу и перегородил дорогу. Лошадь остановилась, не зная, что делать. Первый момент лицо лесника ничего не выражало, оставаясь туповатым и сонным, затем на нем возникло какое-то движение похожее на удивление; и он окончательно пришел в себя: глаза его округлились и едва не вылезли из орбит, он весь побелел, несмотря на темную кожу, и на щеке его отчетливо задёргался нерв. Он видимо был порядочный трус, но ему нельзя было дать прийти в себя, так как он был значительно крепче физически меня и даже, владея многими приёмами нападения и защиты, будучи значительно его подвижней и изворотливей, мне бы пришлось с ним повозиться.

Я дал Карату шпоры, тот от неожиданности бросился вперёд, саврасая кобылка шаранулась в сторону, и цыган полетел в грязь. Это падение ещё больше обескуражило его, что подтвердило мое предположение, что он трус, поскольку даже тогда, в селе, он стрелял в меня скорее из-за трусости, чем из-за желания меня убить, кроме того, падение отрезвило бы сильного человека, и он бы принял меры к обороне.

Дальнейшее я помню смутно. Как я спрыгнул на землю? Как в моих руках оказался большой бич, что был приторочен к седлу его кобылы? Этого я совершенно не помню. Не знаю, почему я стал с остервенением хлестать это огромное, дрожащее от страха тело, я не пойму, но он был настолько ошарашен, что и не пытался сопротивляться, только прикрывал голову руками, при этом что-то говоря, и отползал на четвереньках в сторону. Я, наконец, разобрал, что он бормочет.

– Не убивай... Не убивай! – шепелявил он. – Не убивай! Я не хотел в тебя стрелять. Я не виноват. Я хочу жить..

– Ах, ты, паскуда, захотел жить! Бить жену и стрелять в других у тебя руки не дрожат, а как с самого шкуру снимают, так жить захотел! Ты у меня отсюда живым не выйдешь! – злость, уже начавшая остывать, вновь закипела и придала мне новые силы.

Несмотря на удары, сыпавшиеся со всех сторон, цыган подполз ко мне и начал хватать меня за ноги, пытаясь их поцеловать.

– Не убивай! Только не убивай! – всё время лепетал он.

Так низко ещё люди не падали в моих глазах. Мной овладело бешенство. Это состояние было близкое к аффекту. Я оторвал его от себя и отбросил далеко в сторону, хотя он был не меньше восьмидесяти килограммов весом.

Я продолжал его бить неистово и смертельно. Я был готов растерзать его на мелкие кусочки, превратить эту смазливую, грязную, сопливую рожу в месиво из костей и мяса. Вся жажда крови, впитанная мною с молоком матери, берущая, наверное, начало от дикаря-людоеда, до последнего убийцы в моем роде, закипела в моих жилах. Я бил его, влаживая всю свою ярость в удары. Он уже не пытался обнять мои ноги, а лишь по-собачьи скулил, отползая к обрыву. Кровь выступила на его лице, но это только удвоило мою ярость и придало новые силы. Я даже не заметил, что находимся мы на краю обрыва. Вдруг лесник исчез. Тут только я пришел в себя. Бешеная вспышка истощила мои силы, и ярость стала быстро гаснуть.

Пролетев с метр с довольно крутого уступа, он упал на более пологий склон и покатился по нему. Метров через двадцать он вскочил на ноги и на удивление резво кинулся вниз по ложине, делая гигантские прыжки.

– Живи, падаль, – крикнул я, – но если ещё раз перейдёшь мне дорожку – удавлю!

Не знаю, слышал ли он мою угрозу, но он только прибавил шаг, и я потерял его из виду за ближайшим холмом. Вскочив на коня, я ускакал не оглядываясь. Долго я мотался по полям, пока не заплутал. Уже ближе к темноте меня оставили силы. Разрыв старый зарод, улегся в нем и проспал крепко и без сновидений до самого утра.

Проснулся я неожиданно бодрым. От вчерашней хмари на небе не было и облачка. Само небо было холодновато-голубым, словно его хрусталь вымыл вчерашний дождь, очистив от людской грязи. Появились первые пушистые облачка, которые толпились раньше у горизонта, восход солнца подсвечивал их золотом, разливаясь на востоке сочными красками предвещая хороший день. Свежесть, прохладная и сыроватая, густо перемешалась с испарениями земли, разлилась кругом, мешаясь с низким туманом по ложинам. Солнце взошло и стало теплей. Я выбрался из своего логова. На душе было легко и просто, словно вчерашний кошмар был сном. Я подозвал Карата, который пасся недалеко, взял его за поводья и повел в ту сторону, где я предполагал К.

Солнце согрело меня, и усталость с чувством безразличия вернулась ко мне. Выбрался я к часам двенадцати, а к вечеру был совершенно разбит.

Всё-таки я не заболел. От нечего делать я рассказал всю историю доктору. Он помолчал и, хмыкнув, заметил:

– Я бы советовал тебе его остерегаться в следующий раз.

– По-моему он сломанный человек.

– Тем-то он и опасен.

Я пожал плечами, не придав значения его словам. Как мы часто мало внимания придаем дельным советам.

Доктор оказался прав: в меня стреляли и только чистая случайность – неожиданно остановившийся конь – спасли меня от неминуемой смерти. Картечь угодила в сосну, что была чуть впереди меня, лишь одна пробила мой плащ, не задев тела. Если бы это была бы попытка просто припугнуть меня, то стреляли бы вероятней всего пулей и взяли бы большее упреждение. Надо быть осторожным.

В начале июня я решил найти старую пещеру, про которую слышал от знакомого краеведа. Добираться пешком было довольно далеко, так что я решил ехать верхом. Выехал я утром, в надежде ещё до жары найти её и вернуться к полудню домой. Почти сразу же мне показалось, что кто-то за мной скачет. Я был настороже и привык доверять предчувствиям, считая, что они в большей степени замешаны на едва заметных изменениях среды, которые мы зачастую не регистрируем сознательно. Чтобы проверить себя, я пустил Карата галопом и, проскакав немного, остановил коня. За спиной ясно слышался топот копыт. Всякие сомнения у меня рассеялись. Я предполагал, кто за мной охотится. Свернув в овраг, я затаился за поворотом. Две тропинки пересекали его: одна уходила круто вверх и скрывалась за уступом каменной россыпи, другая шла по дну оврага и также поднималась вверх, но несколько дальше первой. Ни с той, ни с другой тропинки меня нельзя было заметить, хотя я и находился вблизи развилки. Оружия у меня не было, но я почему-то не испытывал вообще никакого страха. Конечно, я бы мог положиться полностью на Карата и легко оторваться от преследователя, но мужчине не пристало бегать от опасности.

Едва я успел перевести дыхание и успокоить сердце, как на тропинке возник всадник. Это был лесник. В руках у него был хороший дробовик, кажется Зауэр. Он остановился на развилке и прислушался, не далее, чем в пяти метрах от меня. Мной овладело озорное чувство, что я не удержался от того, чтобы не влепить хорошенько им обоим. Трофейный бич со свистом разрезал воздух. Лошадь моего противника взмыла вверх, а сам он полетел в овраг. Пытаясь удержаться в седле, он инстинктивно отбросил ружье в сторону, когда падал, но удирая, он показал редкую резвость не свойственную его годам. Когда я поднял дробовик, то он почти добрался до самого верха. Я решил его припугнуть, выстрелил, взяв несколько ниже, хотя убить его не составило бы для меня особого труда. Я лишь заметил искаженное страхом лицо, и он скрылся за деревьями.

Когда я выехал из оврага, то не увидел его больше.

Когда я рассказал всё доктору, то тот заметил, что я отвоевал право свободно и без опасений ездить хоть где. Я не поверил, но с того дня лесника я больше не видел, словно он сбежал куда-то. Ружье я отдал доктору, поскольку оно мне было без надобности. У меня был карабин, и я предпочитал, как всякий уважающий себя Сибиряк – охотник, пулю, только пулю и снова пулю. У меня была ещё хорошая одностольная ижевка, которая была пристрелена и подогнана под меня, так что новое приобретение только досадило бы мне.

Скоро я забыл об этом человеке, не надеясь его больше увидеть, но судьба решила ещё раз свести меня с ним. По газетным делам я выехал в Кордово. Я решил там остаться на ночь, поскольку материал, что предстояло собрать мне, был довольно объемный, и за день это просто невозможно было сделать. Доктор увязался со мной, так как ему было нечего делать одному в моей пустой квартире, а он решил пока порыбачить на реке. Там хорошо брал хариус. Я уже было собрался возвращаться, как пришло известие, что при строительстве зимовья произошло несчастье. Срочно требовался хирург, а единственным приличным хирургом в районе с давних пор был доктор. Инструмент оказался в местной больничке. Нам пришлось выехать. Сначала мы ехали на машине, потом шли на моторке, а там уж, ещё километров пять, тащились пешком. Даже я, привыкший к дальним походам, был утомлен жарой и тряской, то доктор, не имевший никогда подобного опыта, был измотан вконец. Больной лежал в зимовье, в нем я узнал лесника. Он был плох, и у него начиналась гангрена. О транспортировке не могло быть и речи. Пришлось оперировать на месте. Неожиданно больному оказал такое сопротивление, что его пришлось связать, и он сдался только после того, как ему, поскольку не было наркоза, влили стакан спирта. Мне же пришлось ассистировать доктору. Почему-то я плохо переношу человеческую кровь, хотя на своем веку убил не один десяток зверей. В течение четырех часов мне пришлось подавать то скальпель, то ножницы, пока доктор равнодушно ковырялся в зловонной ране цыгана. Это зрелище утомило меня больше дороги. Всю ночь мне снились кошмары. Я то и дело просыпался. Перед утром я лежал с открытыми глазами, когда рядом различил какое-то шевеление. Прямо к моему горлу тянулась волосатая рука. Я с омерзением отбросил её. Цыган зашипел рядом:

– Ты, падла, решил меня прикончить со своим докторишкой, думаешь, я тебя не узнал, хоть ты тогда был в наморднике. Нет, ты подохнешь скорее меня.

– При всем желании я мог убить тебя раньше и проще, не изобретая что-нибудь. Ради того, чтобы убить тебя, я не тащился бы сюда пять часов по жаре. Живи, падаль, твоя душонка не нужна никому.

Он тяжело задыхался и заворочался на нарах:

– Мы ещё встретимся на узкой дорожке!

– Желаю удачи, – сказал я и вышел.

Остаток ночи и добрый кусок утра провел я на свежем воздухе на куче веток, укутавшись в одеяло. Меня после этого не мучили больше кошмары и бессонница.

Нас вывезли только через сутки, пока не прилетел вертолёт. Уже в электричке доктор спросил меня:

– Ты не находишь, что мы лечили какого-то дурака? С чего ему в голову пришла бредовая мысль, что я его хочу убить?

Я назвал его. Доктор расхохотался и сказал:

– Пути Господни неисповедимы!

Он отвернулся от меня к окну и захрапел, мало заботясь о чём-то ещё.

Мне теперь несколько жаль, что из моей жизни ушел этот человек. Я уже привык к чувству опасности, исходившему от него. Это всегда шевелит душу и вносит свежую струю в жизнь. Мне даже кажется, что несчастье, происшедшее с ним, есть следствие наших с ним отношений. Как знать: закончен ли наш поединок, но пока трупы убраны, кровь присыпана песочком, пистолеты вложены в ящик, а секунданты расползлись по своим норам...

Чёрный призрак

Прелюбопытное происшествие произошло вчера вечером. Как обычно, перед сном, около двенадцати часов, я направился погулять. Я люблю это время. Улицы замирают, только одинокие прохожие попадают на пути. Стоит легкая, сотканная из неотчетливых звуков тишина. Погода была на редкость теплая, тихая, но, по майски, не душная. Жар уже спал, так что легко дышалось. В небе тусклым фонарем висела полная луна, так что на улицах было достаточно светло, чтобы обходиться без фонарей. Плыл лёгкий дурман черёмухи. Я легко ориентировался в К.. Я никого не опасался, хотя К. всегда поражал меня грубостью нравов и каким-то кержачьим духом, но я к нему уже привык и почти не замечаю. Раза два я подвергался нападению во время своих прогулок, но моё бесстрашие и техническое превосходство, позволило мне обойтись малой кровью и успокоить местную шпану, которую могут убедить только крепкие кулаки.

Прогулки действуют на меня успокаивающе. В этот вечер я бродил около часа. На удивление это утомило меня, и я решил вернуться пораньше домой, но, не дойдя полукилометра до него, я услышал за спиной лошадиный топот. Я невольно прибавил шаг. Вскоре меня догнали два всадника. Один, молоденький цыгановатый паренёк, напирая на меня лошадью, закричал сиплым ломающимся голосом:

– Ты что, дядя, страх потерял? Или по рогам захотел?

Ничего не угрожало мне. Свет фонаря освещал его. Он был худ, по-юношески нескладен, с копной нечёсанных волос. Второго я не успел рассмотреть.

– Деньги давай, дядя! Деньги! – закричал он.

На меня пахнуло перегаром. Справится с ним для меня не составило бы труда, но драться не хотелось, кроме того, второй не проявил особой агрессивности.

– Возьми, – небрежно ответил я, решив посмотреть, как он это будет делать. Впрочем, денег у меня вообще не было ни в одном кармане. Ни гроша.

Второй или более рассудительный, или трезвый, отъехал в сторону. Чернявый был более решителен: в воздух что-то просвистело, и я едва успел прикрыть лицо рукой. Её обожгло сильным ударом. В экстремальных ситуациях я действую почти автоматически: я бросил тело вперед, и в следующее мгновение нападавший уже лежал на земле без движений. Второй спешно повернул лошадь и ускакал в темноту. Преследовать его не было смысла. Я вернулся к лежащему на земле человеку. Было достаточно светло, и я заметил, как у него под головой образуется темная лужа. Убийцей, пусть и невольным, я не хотел быть. Подняв голову, я почувствовал, что по пальцам течёт что-то теплое и липкое. Ясно было, что это кровь. Я потряс его. Он застонал и зашевелился. У меня отлегло от сердца. Делать было нечего: я помог перебраться ему поближе к фонарю. Голова у него была цела, лишь из разбитой брови обильно текла кровь. Он уже полностью пришел в себя. Я дал ему свой платок.

– Где ты живешь? – спросил я, поскольку была необходимость отправить его домой.

Он насторожился, но назвал деревню, что была километрах в трёх от К.. Пока он объяснял мне всё это, я невольно обратил своё внимание на его лошадь, которая отчего-то не убегала от нас, а лишь стояла несколько в стороне, наблюдая за нами. Как ни плохо разбирался я в лошадях, но эта произвела на меня впечатление и понравилась с первого взгляда. Это был жеребец. Широкогрудый, может несколько массивный, но на редкость пропорционально сложенный, со стройными крепкими ногами, с развитыми мышцами, играющими по всему телу. При всем том он показался мне лёгким грациозным животным. Он был вороной масти, только небольшая отметина светилась на лбу.

Он явно ждал своего хозяина.

– Чей конь? – спросил я паренька.

– Отца, – буркнул он в ответ.

– Он пастух? – хотя конь мало походил на неухоженных, брюхатых пастушьих лошадей.

– Нет, – лесник.

– Где он работает? – этот вопрос вырвался у меня невольно, поскольку лесников, работающих в лесничестве К., я знал. Он назвал другое.

– У него участок рядом, – пояснил он.

– Он что туда верхом ездит?

– Да, но у нас есть ещё одна лошадь. На этом только сено готовим, да ещё катаюсь я и на скачках выступаю. Даже выигрываю. Отец его только за это и держит, – он явно испугался и заискивал передо мной.

Пока он всё это мне объяснял, у меня возник план. Я давно мечтал научиться ездить верхом и был рад подвернувшемуся случаю.

– Ты хочешь сидеть в тюрьме? – начал я методично осуществлять свой план, решив припугнуть его на всякий случай.

Он весь сжался. Глаза заблестели. Ничего воинственного в нём уже не было. Теперь передо мной находился не грабитель и забияка, а обыкновенный, испуганный, нашкодивший подросток, залитый кровью.

– Хорошо, я не сдам тебя в милицию и даже не скажу про этот случай никому, но при одном условии, – я сделал паузу, наблюдая его. Мои слова поимели действие: в глазах его загорелся огонёк надежды. Сейчас он был готов молиться на меня. – Ты завтра приведёшь этого коня на кладбище. Знаешь где? – он с готовностью закивал головой. – Принесёшь упряжь и будешь это делать всегда, когда я тебя попрошу. Завтра будешь в восемь часов, иначе я тебя найду везде. Я надеюсь, ты всё понял? Я могу тебя отвести в милицию и написать заявление, и тебе придется в такие годы хлебать баланду. Ты этого хочешь? Завтра в восемь мы встречаемся на вашем кладбище.

Я намеренно выбрал это место, так как оно было гораздо ближе, чем само село от К. и всего в десяти-пятнадцати минутах ходьбы от моего дома.

Пацан стал клятвенно заверять и благодарить меня. Я прервал его излишества и холодно пригрозил:

– Обманешь меня – достану из-под земли! – он, по-моему, больший трус, чем я предполагал раньше. – Ты можешь ехать?

– Да, – уныло подтвердил он.

Я поймал коня, хоть это оказалось и трудней, чем я думал, посадил незадачливого грабителя в седло, и проследил за ним, пока он не скрылся в темноте.

Я решил твердо быть на кладбище.

Через четверть часа я был уже в постели.

Прихватив булку хлеба и соль, я направился на кладбище. Вначале девятого я был уже там. Мой вчерашний противник уже ждал, хотя я даже не надеялся его найти там. Он был мрачен и неразговорчив.

– Я не думал тебя здесь застать, – начал я разговор.

– Если я обещал, то буду, – буркнул он недружелюбно.

– Похвально, слова не мальчика, а мужа, – ответил я. – Как тебя зовут?

– Сергей, – ответил он односложно.

Разговор явно не клеился.

– Как звать коня?

– Карат.

– Кто его так назвал?

– Наш агроном. У него жеребчиком шерсть лоснился, хотел он его Чёрным алмазом обозвать, но назвал Каратом, но карат к нему сразу после того и прилипло, – вы его сильно не гоняйте – запалите. Он ещё с характером, запросто сбросит.

– Ничего, мы с ним подружимся.

Он поднялся и собрался уходить.

– Куда мне деть седло? И как я смогу найти тебя в следующий раз?

– Можете меня не искать, – глаза его блеснули недобрым огнем. – Найдите коня, если его сможешь после этого поймать, и запрягайте, а седло и уздечку положите вон в тот вагончик, там чуланчик есть, завалите его барахлом, тут никто не лазит. Меня можете не искать, мы с отцом на недели две уезжаем, – с эти он скрылся в негустом кустарнике и через минуту появился на дороге, ведущей к деревне. Скоро уехал и я.

Сейчас нестерпимо болят ноги, ломит с непривычки всё тело. Сначала Карат совершенно не слушал поводья и едва не сбросил меня, но часа через два я его заморил, и он успокоился, так что я прилично провёл время.

Прочитал написанное. Отчего-то грустно. На дворе ночь. Окна погашены и от того тьма почти полная. Кажется, что она со всех сторон обступила стол и одинокую лампу на нём. Всё кажется, что стальной обруч стянет петлей этот осколок дня и света и всё погрузится навечно в непроницаемую тьму.

Опять тянет на потустороннюю философию. Устал.

Уже вторую неделю я почти ежедневно совершал прогулки верхом. С Каратом мы подружились. Он, кажется, признал во мне хозяина, хотя наши отношения складывались довольно тяжело. Я его часто балую. Мне нравится за ним ухаживать, даже, кажется, излишне. В джигитовке прогресс у меня невелик, но я теперь уже не вывалюсь из седла, как последний школяр. Впрочем, мне больше и не требуется.

Я много часов провожу в седле и с большим удовольствием. Хотя дело обстоит не столь блестяще, на горизонте появились тёмные точки. Я раза два чуть было лицо к лицу не сталкивался с людьми. Один из них был мой знакомый, но пока всё обходится. Впрочем, по К. уже начали поговаривать про какого-то загадочного всадника. Печально, но рано или поздно всё станет достоянием общественности и, при нашей застарелой глупости, можно ожидать неприятности, даже занимаясь столь безобидным занятием. Хотя глупость, как и вселенная, едва ли имеет свой предел.

Приобрёл чудный плащ, что носили, наверное, во времена Людовика IV, примерил перед зеркалом. В нем я чистый денди. Несколько смахиваю на разбойника, может на пилигрима. Порылся в гардеробе и нашел старую с широкими полями шляпу, что была модной лет пять назад.

Кажется, есть способ подурочить обывателей.

Акции моего детища резко пошли вверх. В К. каждая бабка только и говорит о загадочном чёрном всаднике. Некоторые по вечерам просто опасаются выходить за пределы К. Бабки те и днём боятся делать это. Впрочем, это их дело. Кажется, общий глас сарафанного радио известил о конце света, а меня обозвал исчадием ада, что пришел известить об этом. Некоторые каркают даже про атомную войну, покупают всё подряд, начиная от пшена, кончая спичками. Продавцы даже плачут, ворочая мешки, особенно молоденькие.

Столь бурную истерическую популярность я заслужил после пустячного случая, больше рассмешившего меня, чем серьезного. После него мое детище даже получило прозвище: Чёрный призрак. Достоинно! Теперь я слился с целым сонмом дьяволов, демонов, Мефистофелей и прочей сволочью. Куда ни шло: Чёрный принц или Чёрный всадник?

Вернёмся же к самой истории. На прошлой неделе я несколько припозднился. Было уже темно, так что я пробирался почти на ощупь. Я с трудом определил, что было уже около двенадцати часов ночи. К. оставался слева, правее были едва различимы увалы, образующие долину реки. Я подъехал к дороге, ведущей в сторону села Березовского. Передо мной промчался автомобиль и, сверкнув красными огоньками, скрылся за поворотом. Тропинка дальше шла лугом и огибала кладбище, делая заметный крюк. Впрочем, был и прямой путь прямо через него, я решил воспользоваться им. Вскоре я подъехал к кладбищу. Оно маячило передо мной небольшой рощицей и кирпичным домиком при входе. В пролом изгороди я въехал на территорию. Кладбище в К. дрянь, как может по всей Руси. Могилы лезут одна на другую, кресты и тумбы местами завалились, всюду валяются проволочные венки или просто проволока от них. В былые годы я любил бывать на кладбищах, но в последнее время стал их избегать. Былая грусть теперь меня не утешает, а скорее угнетает.

Я осторожно ехал по тропинке, проложенной любителями коротких путей, как и я. Когда мой конь остановился и стал напряженно прятать ушами, я определил чьё-то присутствие. В поведении лошади не было испуга или страха. Я предположил, что это бродячая собака. Прислушавшись, я ничего так и не различил. Осторожно проехав ещё несколько шагов, уловил в стороне шум и напряженный шепот.

– Смотри, он едет прямо к нам. Я тебе говорил, что мы должны его встретить, а ты мне говорила, что это кто-то дурачится. Точно призрак. Видишь, что он во всем чёрном. Как покойник и лошадь у него чёрная – дьявольская.

– Дурак, покойники всегда в белом, а это, наверное, чёрт.

Наконец мой натренированный глаз различил две детские фигурки, притаившиеся за одним из надгробий.

– А ты ещё не верил, что есть призраки. Его часто вокруг кладбища видят. Днём его не видят, а только ночью, – упрекнул голос, явно принадлежащий девочке, так второй был мальчишеский.

– Он и бесшумно движется. Он нас видит! Бежим! – и они дружно сорвались, как испуганные воробышки, кинувшись к пролому в изгороди и скоро исчезли в темноте.

Когда я выехал за ограду, то уже не увидел их. Я от души посмеялся над этим незначительным происшествием, так что дальнейший путь я проделал в отличном настроении.

Утром К. был полон слухов об этой встрече.

Ближе к обеду зашел Константинов. Я его едва перевариваю, но этого он не замечает, как не замечают это почти все те, кто относится к этой категории. Он хитёр, хотя, по большому счёту совершенное ничтожество. Бог его наделил мужественной красотой, хотя один на один на медведя он не пойдёт, кроме того, его сильно развратила работа в милиции: он наслаждается той наглой властью, что ему даёт положение. Кроме того, он пользуется бешеным успехом у женщин, некоторый цинизм и неуважение к людям, выработавшаяся в нём от постоянного общения с подонками, так что во всех отношениях он ещё не подонок, но дрянь добрая. Я над ним посмеиваюсь и ни во что не ставлю, он же пытается относиться ко мне с некоторым превосходством, что у него не выходит, кроме того, мое общественное положение значительно весомей его, и оттого он поддерживает со мною связь. Я же его просто использую, как источник информации, да и отделаться от него не столь уж просто.

– Есть новость, – едва поздоровавшись, вывалил он.

– Что-нибудь про тунеядцев? – буркнул я в ответ.

Смеяться над ним у меня не было настроения. С самого утра начались неприятности: сначала поругался с ответсеком за правку, затем получил от шефа за пустяковую неточность, что оказалась у меня в материале, потом сцепились с машинисткой, которая начала ругать меня за мой почерк, так что настроение было самое скверное.

– У меня кое-что поинтересней, – он сиял, как начищенный гривенник.

Мне захотелось досадить хоть ему и погасить его радужное настроение. Я ляпнул первое, что мне пришло в голову.

– Тебе поручили выловить этого чертова призрака на хромой кляче, что необходимо сделать, иначе бабки объявят конец света и забросают местные власти жалобами на плохую работу нашей милиции? Видимо этот баламут слишком быстро ездит, коль вы на него охотитесь, как на злостного алиментщика?

– Да брось ты, я хотел пригласить тебя на облаву. Ты всегда всё знаешь и без меня.

– Пока ты шел сюда, мне уже всё доложили.

– Да брось издеваться, – несколько сник он. – Ты поедешь? Классный будет материал.

– Когда ты собираешься её проводить?

Он назвал место и время.

– Чай уже заклинание придумал?

– Ты всё смеёшься, будут лошади, будут две машины – выловлю, будь спок!

– Ты бы лучше лошадей проверил.

– Да всех мы уже проверили. Ничего похожего и близко нет, да и толком никто не знает, какого она цвета. Там в темноте не отличишь черного от рыжего, а ты хочешь, чтобы его найти. Да я всех их на эту облаву реквизирую, так что он только на палочке верхом и сможет скакать.

– Ну, тогда он и не появится.

– Мы это ещё посмотрим, а то, что я его выловлю – не сомневайся.

"Ну-ну, – подумал я, – тебе бы только баб по кустам ловить". Я решил его ещё немного подразнить.

– Лови, лови – нашему бы теляти, да волка съест.

Он не ожидал такого подвоха, и весь побелел от злости.

– Я его к тебе притащу на верёвочке, и мы посмотрим, кто из нас теляти, а кто волк!

– А что ты ему предъявишь? Хулиганские поездки по полям в неурочное время?

– Был бы человек, – статья найдётся!

С этим он выскочил из кабинета, настроенный очень решительно. У меня сразу исправилось настроение, так что в течение получаса написал одно корявое и никому не нужное интервью, что мучило меня не первый день.

Чёрт побери, приятно быть поверенным в делах, которые касаются тебя лично, по крайней мере, таким образом можно избежать лишних неприятностей.

Утром позвонил Константинов и вновь предложил мне участвовать в облаве. Я отказался, сославшись на нездоровье, при этом злорадно подумав: "Кого ты, олух, тогда будешь ловить?"

Было ещё светло, когда я приехал на гору, что северо-западнее К. По словам Константинова облава должна непременно прийти сюда, и по моим расчётам они должны до этого дать изрядный крюк и, если и появятся, то ближе к ночи. Но пока никого здесь не было, да и место было ничем не привлекательное. Я отпустил Карата. За последнее время он сильно ко мне привязался, как, впрочем, и я к нему. Он свободолюбив, даже несколько капризен, но ко мне бежит по первому зову. Я знаю, что он меня никогда не подведёт, как и я его.

Высоко в небе клубились облака, и я различил точку коршуна. Он ходил кругами, почти не шевеля крыльями. Незаметно для себя я заснул. Проснулся от сырости наступившего вечера и недалеких голосов. Внизу ехала группа всадников. Солнце уже касалось кромкой земли, но ещё оставалось много светлого времени, так что играть в кошки-мышки можно было ещё долго. Всадники не замечали ни меня, ни Карата. От них нас скрывал пологий холм, на вершине которого я лежал, как на самой удобной точке для наблюдения. Я их рассмотрел. В одном из ехавших я узнал Константинова. Лошади их были обыкновенными пастушьими клячами, явно

уступавшие в выносливости и резвости Карату. Кроме того, всадники едва держались в седлах, видимо никогда не занимались джигитовкой. Это всё было мне на руку.

Они проехали мимо, и я, выражаясь военным языком, оказался у них в тылу. Я подождал Карата и поехал по противоположному склону горы к её вершине. При моем появлении в группе всадников произошло замешательство. Я поставил коня на дыбы. Он грациозно взмыл вверх, пронзительное ржание разнеслось кругом. Внизу ответила какая-то лошадь.

– Вон, смотрите, это он! – услышал я истошный крик. Это послужило сигналом. Все двинулись в мою сторону. Я же направился по гребню горы так, чтобы они не потеряли меня раньше времени. Скоро он кончился, перейдя в довольно ровное плато. По нему мы скакали минут пятнадцать. Мои преследователи растянулись в редкую цепочку и большинство уже потерялись из виду, только Константинов упорно гнал своего серого жеребца, почти не отставая от меня. Я намеренно придержал Карата, решив исполнить свой старый финт, который меня неоднократно спасал даже в более неприятных и щекотливых ситуациях. Когда я услышал за спиной хриплое дыхание константиновского жеребца, то резко развернулся и вытянул его по губастой, пенной морде бичом. Конь от неожиданности шарахнулся, встал на дыбы и рванулся в сторону, и мой незадачливый преследователь оказался на земле. Я поймал жеребца и, убедившись, что мой приятель сильно не пострадал, поскакал обратно. Константинов, бежал следом и бешено матерился, лапая кобуру пистолета. Было заметно, что он немного прихрамывает, но ничего серьёзней этого я не приметил. Со спокойной совестью я продолжил свой путь.

Выехав на одну из вершин, я увидел остальных моих преследователей. Они возвращались. Если бы я поехал по противоположному склону горы, то оказался бы скорее в проходе, что вела в долину, по которому стекала тропа. В этом месте она была очень узкая, и едва ли два всадника легко могли разъехаться на ней. Я решил ещё их подразнить.

Минут через десять я был уже на месте. Скоро появились и мои преследователи. Они ехали не спеша и беззаботно болтали. Я по-прежнему держал поводья константиновского жеребца, желая уведомить в полном фиаско их лидера. Всадники сгруппировались на небольшом плато в метрах ста пятидесяти от меня. Особой агрессивности в их действиях я не уловил. Наконец они решились на нападение. Я повернул Карата и поскакал вниз, в долину. В самом узком месте я бросил поводья константиновского жеребца. К проходу мои преследователи подскочили кучей и в наиболее опасном месте две лошади столкнулись, и один из всадников едва не полетел в овраг. Произошла значительная заминка, ко всему прочему всё время мешал непутевый жеребец. Когда они разобрались и тронулись дальше, я был от них в метрах четырёхстах. Они перестроились в долине в редкую цепочку и поскакали за мной не особенно резво, видимо больше для очистки совести, чем из-за желания прижать меня к подошве горы, трудной на подъем верхом, или к реке. Может быть, потеряв осторожность или от быстрой скачки, я не сразу заметил машину. Она мчалась мне наперерез, лихо лавируя между кочками и кустами. Мгновенное решение созрело у меня в голове: левее в метрах сорока тянулась глубокая канава полная воды, но чтобы достичь её, мне пришлось поскакать едва ли не навстречу цепи надвигающихся всадников. Едва я переправился через неё, как к ней уже подскочили первые всадники. Положение из безобидного сразу становилось весьма щекотливым: слева была река с густым ивняком, впереди, в полукилометре, гора нависшая уступами над рекой. Забраться на нее верхом было почти безнадежным делом. Одно обстоятельство было в мою пользу: канава тянулась метров на триста, а дальше переходило в кочковатое грязное болотце, которое обрывалось у самой подошвы горы, так что машину мои преследователи никак не могли использовать при сложившихся обстоятельствах.

Часть всадников переправилась на мою сторону, другая поскакала по другой стороне, отсекая от удобных подъемов на гору. Круг всё сужался, и единственным выходом оставалась песчаная коса бывшая между рекой и скалами. Я бесстрашно устремился по ней. Я даже ожидал холодную купель, когда заметил узенькую тропинку уходившую круто вверх. Забраться

верхом было делом безнадежным, и поэтому пришлось спешиться. Взяв под уздцы лошадь, полез я вверх. В запасе у меня было минуты три, так что, когда на косе появились первые всадники, то я успел добраться до уступа скалы, густо поросшего кустарником, где можно было спокойно перевести дыхание. В наступившей темноте меня едва ли можно было разглядеть на нём, если бы даже было желание.

Потеряв меня из виду, мои преследователи остановились и, поговорив, немного, направились обратно. Только двое остановились прямо подо мной и закурили.

– У меня создалось впечатление, словно мы весь вечер гоняемся за призраком: сначала он возник на ровном месте, затем оказался впереди нас, а теперь и совсем исчез, стоило нам только на минутку потерять его из виду?

– Да ну, брось ты всё это, просто парень молодец. А мы-то, дураки, за ним гоняемся всем отделом. Там два магазина за неделю ограбили, а нас на эту болотину загнали. Если Константинов одно место перед начальством рвёт, то нам за этим шутником чего гоняться? Пошел он куда-нибудь.

Они ещё несколько постояли и уехали. Я продолжил подъём и скоро достиг вершины. В темноте я едва различил группу всадников и две машины, направляющиеся в сторону К.. Они тоже заметили меня, но, немного потоптавшись на одном месте, продолжили свой путь. Я не решился ехать той же дорогой, свернул на просёлок, что несколько удлиняло путь, но делало его безопасным. Меня одолевала дремота, хоть и вечер был прохладным. Я не мечтал ни о чем, как скорее добраться до дома и завалиться спать. Этому не суждено было сбыться. Ехать быстрым аллюром по разбитому просёлку было рискованно, и мне пришлось довериться лошади, которая предпочитала идти шагом. Я скоро продрог, так что пришлось слезть и вести её под уздцы. Неожиданно конь дернул поводья и насторожился, мне самому почудилось какое-то движение под кустом. В ранней юности я много охотился и привык доверять чувствам животных, больше, чем своим. Я ненароком подумал, что мои преследователи устроили на меня засаду, и насторожился. Скоро я убедился, что это не так, хотя под кустом кто-то находился. Это не был зверь, поскольку любой бы зверь, воспользовавшись малейшей возможностью, убежал бы. Я не боялся никаких хищных зверей, так как те едва ли решились бы нападение. Карат не проявлял нервозности, так что зверя здесь не могло быть. Я направился к тому месту, где мне показалось движение. Под кустом зашумел лист, отчетливо указывая на чье-то присутствие

– Не подходите ко мне, – услышал я истошный женский крик. Только теперь я увидел белёсое пятно свитера и бледное очертания лица над ним.

– Вам не стоит беспокоиться, сударыня, я не отношу себя к разбойникам или к людям помешанным на женских прелестях, потому ваши страхи напрасны.

Мне показалось, что это несколько успокоило женщину, хотя та не ответила на мой вопрос.

– Что вы здесь делаете?

– Я заблудилась, а, когда вышла на дорогу, в темноте подвернула ногу.

– Вы замёрзли?

– Да, очень сильно.

Меня удивило, что женщина, явная горожанка, не привыкшая ни к чему более серьезному, чем хождение по магазинам, оказалась ночью на проселочной дороге, да ещё вдалеке от жилья. Вряд ли она бы пошла на прогулку по незнакомым местам.

– Почему вы здесь оказались одни?

– Нас было шесть человек, но я поссорилась с мужем, ушла с пикника и заблудилась. Так что придётся ждать утра.

– Вы сами в состоянии дойти до лошади?

– Нога сильно опухла, но думаю всё-таки дойду.

– Вы когда-нибудь ездили верхом?

– Нет, но если лошадь смиренная, и вы её будете вести на поводу, то, думаю, что не упаду.

– Вы довольно самоуверенны.

Я подвёл лошадь поближе и помог подняться женщине. Посадить её в седло оказалось делом непростым, хотя в ней было не больше пятидесяти килограммов. Я взял поводья и повёл лошадь шагом. Мы долго молчали. У меня не было никакого желания болтать с этой пигалицей, но бросить посреди дороги было бы, по крайней мере, бестактно. Я снял плащ и отдал его женщине.

– Вы и есть тот Чёрный призрак, про которого так много говорят, а я думала, что всё это выдумки.

– Как видите – дыма без огня не бывает, – ответил я не очень дружелюбно.

Было холодно, и по вершине горы тянул несильный, но чувствительный ветерок. Плащ хоть немного прикрывал меня от него, но сейчас он стал меня донимать.

– А я всё думала, что это просто сплетни.

– Во всех сплетнях всегда есть доля истины.

– Зачем вы устроили этот маскарад?

– Глупость человеческая не терпит ничего выходящего за обыденные рамки их мышления, а плащ и маска лишь насмешка над ней.

– Вы не слишком-то жалуете человечество.

– Я не жалую его примитивную часть.

– Вы думаете, что ваш маскарад защитит от человеческой глупости или насмешек?

– Я знаю, что рано или поздно мои похождения станут достоянием других, но, думаю, что это не повлияет на дальнейший ход событий.

– Вы фаталист?

– Нет, но в жизни есть своя логика, которую определяет целый комплекс черт, предрасудков, заблуждений и идей, которые, по истечению времени, переходят в реальность.

– Что же руку вам исковеркал рок или судьба? – в её голосе звучал вызов.

– Всего на всего случайная встреча с невежливым медведем, который решил закусить мной, но к его несчастью у меня на поясе был нож. Это судьба или предусмотрительность? Я был просто готов к встрече с ним, предполагая подобную возможность.

– Вам не было страшно?

– Скорее неожиданно.

– Хотите, я скажу, когда это было?

– Вы гадаете по руке?

– Нет.

– Любопытно.

– Вашему шраму года четыре.

– Нет, несколько меньше.

– Сколько же?

– Всего-то два года, просто рука не была сильно повреждена.

– Значит, я ошиблась.

– Вы медик?

– С чего вы взяли?

– Я просто предположил, что об этом возьмется судить только человек, который компетентен в вопросах медицины.

– Вы наблюдательны: я действительно медик, хотя не считаю себя достаточно компетентным в подобных вопросах. Я судила о сроке ранения по глубине шрама и степени заживления.

– Она была прокушена до кости, но ни кости, ни сухожилия не пострадали.

Мало-помалу я рассмотрел свою спутницу: она была маленького роста, худенькая, но не казалась хрупкой, скорее стройненькой. Пропорционально сложенная, она не была хорошо тренирована и от этого её фигура была округла, а не угловата, как у всех тех, кто серьезно занимается спортом.

Неожиданно мне захотелось досадить этой маленькой пигалице, хотя повода для того совсем не было, но я сдержался и лишь сказал:

– Давайте помолчим: я достаточно устал, и мне нет никакого желания, да и не вижу достаточного повода, для дальнейших откровений.

Оставшийся путь мы проделали молча, что её, кажется, тяготило. Через час мы добрались до её дома, не встретив на пути ни одной машины или человека. Я помог ей слезть с лошади и повёл, придерживая, к калитке. В это время в переулок свернула машина, осветив на мгновение нас фарами, и покатила прямо к дому.

– Извините, но мне пора, – сказал я, забирая плащ.

– Да, – ответила она как-то грустно.

– Я не хочу попадаться на глаза кому-нибудь.

Я подошел к Карату, намериваясь по возможности быстрее покинуть опасное место, но поводя, как назло, перепутались, и я секунд тридцать не мог их разобрать. За это время машина подкатила к воротам и резко затормозила, из неё выскочил невысокий мужчина и кинулся в мою сторону. Он был ниже меня, но плотнее сложен и, скорее всего сильнее меня физически.

– Ах, ты, сволочь, я покажу тебе, как шляться с чужими женами! – с этим он бросился на меня. Я едва увернулся от яростного наскока, кулаки просвистели почти рядом с моим носом. Я ударил его ногой в солнечное сплетение. Он согнулся, но не упал, как следовало бы ожидать от такого резкого удара, что я нанёс ему. Я оставил ревнивого мужа в покое, хотя следовало бы ему добавить для верности ещё пару раз, чтобы он не скоро пришел в себя и окончательно отбить охоту от дальнейшего нападения.

Разбирая дальше поводя, я услышал истерический крик женщины:

– Не смей! Не трогай его!

Я резко развернулся. Мой визави, ещё заметно сгибаясь, брёл ко мне, держа в руке монтировку. Это меня взбесило. Я решил вновь воспользоваться бичом, тем, что огрел константиновского жеребца.

Прежде чем нападавший успел что-либо сообразить, я вытянул его поперёк лица. Кусочек свинца, вшитый в кончик, произвел должное отрезвляющее воздействие: нападавший бросил монтировку и кинулся с необычной резвостью прочь.

Примерно через час я закончил эту бурную ночь постелью, для чего пришлось отпустить Карата почти рядом с К., довольно далеко от кладбища. Впрочем, я был уверен в том, что он найдёт дорогу домой этой же ночью. Седло пришлось спрятать в омете сопревшей соломы недалеко от дороги.

Вечером зашел Константинов. Он благоухал, как майская роза. Был свежо выбрит и несколько пьян, надушен до такой степени, что у меня захватывало дух. Я не переношу запах парфюмерии, а сильный запах ещё и бесит, как хорошую собаку.

Развалившись в кресле, он закурил, искусно пуская в потолок кольца дыма. Мне пришлось заметить, что у меня не курят. Вообще-то, он не выглядел обескураженным после вчерашнего.

– Да брось ты, не строй из себя кисейную барышню. Пусть у тебя хоть мужицким духом запахнет.

– Настоящие мужчины пахнут потом и кровью, а вино и табак – для слунтяев.

– Да не сердись, я к тебе по делу. Тебя там дамы домогаются уже не первый вечер. Ты их очаровал.

– Неужели я интересен кому-либо ещё, кроме могильных червей?

– Напрасно ты так рано себя похоронил, на тебя глазеет такое количество женщин, молодых и свеженьких, что тебе трудно представить. Хотя они тебя считают чудачком и монахом, но все поголовно в тебя влюблены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.